

— Маленькая и, в общем, довольно слабая, бедная страна Армения стала своего рода Ноевым ковчегом, шелтером для очень многих людей, причём не только армян. Смотрите: Россия, Украина, кто ещё? Беларусь, Иран, Ливан, Сирия... Как вам кажется, как все эти миграционные волны меняют эту страну?

— Думаю, что в лучшую сторону. Если смотреть по цифрам, нынешняя Армения, та Армения, которая после Независимости, она очень моноэтнична. Армяне и только 2%, которые не армяне. И конечно, любой наплыв другой культуры, чего-то нового, помогает стране развиваться. Учитывая то, что это одна из не очень многих стран, у которых практически закрыто 80% границы с соседними странами. То есть, нельзя сесть в машину в Ереване и поехать куда-то в Турцию, хотя из того же Еревана до границы примерно 40-50 км, но ты туда не поедешь. И в тот же Азербайджан, а это в процентном соотношении самая большая граница. То есть, учитывая то, что не очень много торговли, культурных связей, какого-то общения... А тот же Иран, с которым мы граничим. Довольно-таки очень такая маленькая граница и не очень близко. И единственный выход в какой-то большой другой мир через Грузию. Я не говорю про перелёты, потому что лететь всегда можно, но общество физически закрыто. Любой какой-то наплыв, новая кровь, новое что-то, оно действительно хорошо влияет.

— Нету такого, что из-за этой огромной волны этническая целостность страны может как-то размываться?

— Эта идентичность построена на травме Геноцида начала XX века. Поколение после геноцида, и не только первое поколение, второе и третье, оно считало, что мы должны сохранить себя именно как этническую группу, как национальную группу. И поэтому очень строго относились к тем людям, которые выходили замуж не за армян, создавали семью вне своей национальной среде.

— То есть всё-таки страх есть.

— Да, но уже не настолько сильный, каким был, когда я ещё была в школе. Это из-за того, что общество, с одной стороны, старается сохранить себя как именно этническое сообщество, как национальное. Но с другой стороны, мы уже в XXI веке живём, когда через интернет очень многое заходит в семьи. И даже если б не было физического наплыва каких-то других людей, всё равно дети, которые уже родились и живут в XXI веке, они больше приобщены к другим культурам, другим каким-то понятиям, и для них это уже другой мир, о котором, может быть, родители не очень-то задумывались, он меняется. И поэтому не может это общество быть слишком закрытым. Я бы не сказала, что у нас до сих пор очень много смешанных браков в самой Армении, но из-за того, что люди тоже уезжают, приезжают и так далее, все-таки количество смешанных браков, конечно же, стало больше. И общество стало уже не так к этому относиться, как даже 20-30 лет назад.

— Я общаюсь постоянно с нашими эмигрантами русскими. За эти два года в Армении у нас уже появилось армянское прошлое, которое в целом очень важно для нас. Оно в чём-то даже важнее, актуальнее российского прошлого, но при этом это Армения, а мы не армяне. И встаёт вопрос. Лусине, кто мы в этой ситуации и что с нами в принципе может быть дальше?

— Ну, это очень эмигрантская история по своему роду. Разные эмигрантские группы, которые из-за разных причин уезжают куда-то, но не одиночки, и создают какую-то свою субкультуру и свою общину в той стране, куда они поехали. Это один вариант, как это может развиваться, как, допустим, та же армянская диаспора. Они там поехали в ту же Францию после Геноцида, допустим, и уже появились какие-то свои институты, свои школы, общины, клубы, кафе. И до сих пор они держатся друг за друга. Степень интеграции в очень многом зависит от знания языка, не факт, что если вы выучите

армянский, вы полностью будете частью этой общины или этого общества, но с другой стороны, это будет шаг вперёд. Но мне кажется, из-за того что в основном люди тут говорят на русском, практически никаких таких проблем, которые нельзя было бы решить через русский язык, не возникает. Не очень много людей старается выучить язык страны именно из-за того, что каждый второй более или менее владеет русским языком и ответит тебе на самые примитивные или немного более сложные вопросы. Но с другой стороны, я думаю, если ориентироваться на то, что вы хотите действительно стать частью этой общины, первое дело — это всё-таки язык. Я не знаю, насколько открыто армянское общество к тем, которые приезжают. Может, у нас нету много таких программ, которые бы предлагались приезжим насчёт того, как выучить язык или приобщиться к культуре. Очень мало таких возможностей, наверное, ещё из-за того, что общество всё-таки не привыкло принимать каких-то других, хотя у нас есть люди, которые не армяне. И до начала карабахского конфликта самое большое этническое меньшинство на территории Армении — это были те же азербайджанцы. Это не значит, что традиционно у нас жили только армяне. Как пример, езидская община, маленькая ассирийская община, греческая община и та же русская община. Они более или менее интегрированы в этой стране. Я думаю, на это нужно больше времени. И если действительно принять решение, что вы решили остаться в Армении, нужно больше усилий для того, чтобы интегрироваться. То есть, это взаимный процесс. Я думаю, наше Государство и общество не очень много делают в этом направлении. В целом мы открыты, но очень мало именно таких вещей, которые бы были ориентированы на интеграцию других. Но с другой стороны, можно оставить это и на следующее поколение. Может, оно синтезируется лучше, потому что у меня есть русские друзья, их родители приехали во время землетрясения. Они остались тут, у них русские имена, фамилии но армянский они знают и полностью интегрированы в этом обществе. То есть, я думаю, что если принять решение, что да, я тут остаюсь, тогда можно и говорить об интеграции. И может быть, будут какие-то механизмы, через которые можно интегрироваться. То есть, я не думаю, что это только этническая общность.

— Какие есть страхи, претензии, ожидания, эмоции в отношении приехавших? Ведь всё равно же есть какие-то разговоры на эту тему в армяно-язычной среде.

— То, что я слышала, во всяком случае люди более образованные, они, с одной стороны, хотят принять людей помочь им и так далее, тем, у кого реальные проблемы. А с другой стороны, всё-таки есть такая модель поведения, приехавшие ведут себя, как у себя дома, как будто они приехали в какую-то свою колонию, они продолжают воспринимать эту страну как часть империи, и у них всё-таки есть этот империализм, даже у тех, которые, казалось бы, очень образованные, интеллигентные. Но у них есть какие-то ожидания, что армяне должны себя вести так, а не иначе, какие-то такие привычки, претензии и замашки.

— А в чём это выражается?

— Есть ожидание, что все должны знать русский и хорошо говорить на русском языке, все должны знать и понимать русскую культуру, как в России вообще все устроено, и почему в России ситуация именно такая, какая она есть. Есть ожидания, что везде должно быть написано на русском, какие-то вещи, которых нету, допустим, те же названия улиц, потому что они не везде на русском языке написаны. Почему у вас, допустим, кофе не такой, какой где-то в Москве? Или у вас сервис не такой. Вот эти требования, что мы приехали, пожалуйста, вы должны нас обслужить. И даже если это не высказывается, в разговорах этого нету, и, может, на самом деле и нету, но у людей такое восприятие, что всё-таки от них всего этого ждут. Ещё и хамство какое-то, которого в Ереване не было. И это я тоже много слышала, что ведут себя по-хамски, допустим, говорят как-то очень грубо. А у нас часто, если кого-то задел случайно, постоянно идёт

«извините», этого нету. А такое поведение хамское иногда тоже раздражает многих, ведут себя, как у себя в стране. И ещё я думаю из-за того, что в тех же девяностых и после армян и не только армян, кавказцев и тех же людей из Средней Азии не очень хорошо принимали в той же России. Много было действительно кавказофобии, ксенофобии. Россияне, которые приехали, им кажется, что армяне должны им постоянно служить. Они ожидают услужливого какого-то поведения. И почему они ожидают, что мы должны вести себя, как колония. Это не колониализм, но имперское поведение чувствуется. Но это обоюдный процесс, армяне воспринимают вас как гостя и сами не хотят ударить перед гостем лицом в грязь.

— Да, мне уже сказали, что если бы я в тех же ситуациях говорил по-армянски, отношение ко мне было бы другое, гораздо жёстче.

— Не всегда. Например, мне тоже часто говорят: да, я это сделаю, потом не делают. Я не думаю, что это связано только с тем, что вы русские. Может, они думают: это такой интеллигентный хороший человек, давай я ему скажу, что сделаю, а потом придумаю что-нибудь. Со мной тоже такое случается.

— Есть ещё острая политическая проблема. Поскольку отношения с Россией у Армении становятся хуже, это касается откровенного предательства в Арцахе, это касается антиармянской пропаганды, которая есть в РФ, но при этом уже отмечалось много раз, что армяне чётко отличают российские власти от простых россиян. Есть много причин относиться к нам плохо, но нет, вот это строгое разделение государства и людей присутствует. Откуда оно, почему?

— Ну, в первую очередь, это, наверное, всё-таки из-за того, что мы были частью Советского Союза, и люди, которые вышли из Советского Союза, знают что, власть — это не люди. То, что говорит власть, это необязательно то, что думали бы люди. С другой стороны, как вы знаете, у армян самих долго не было государственности, и они привыкли жить под чужой властью, быть меньшинством в этом государстве и постоянно как-то бороться за то, чтобы выжить как группа.

— Вы имеете в виду, что это отношение связано с тем, что, скажем прямо, Армения исторически — оккупированная страна?

— Да, это связано с тем, что Армения исторически — оккупированная страна, и из-за этого у армян в целом есть недоверие к власти, причём к любой власти, к своей собственной в том числе. Поэтому армяне чётко разделяют: это власть, а это люди. И люди — это не всегда власть, тот же даже опыт Геноцида у тех, которые выжили, это в основном была какая-то семья, может быть, курдская семья, может быть, тюркская, какая-то другая семья, которая помогла этим людям выжить, соседи те же и так далее. И поэтому есть понимание того, что люди — это не всегда власть, с каждым отдельным человеком разобраться отдельно

— Всё-таки у армян есть реальные причины обижаться даже на обычных людей из России, а не только на кремлёвскую власть. Мы же прекрасно помним, насколько жуткая ксенофобия в России была в девяностые годы, когда приехало очень много армян. Были погромы рынков, оскорбления, непрерывный хейт. И сейчас наступил очень удачный момент за всё это отыграться на приехавших, но нет, этого не происходит. Как вам кажется почему? Армяне нам всё простили?

— Я думаю, армянское общество всё-таки привыкло думать, что да, было такое отношение среди россиян, очень много расистов, националистов, которые действительно притесняли. Ой, у меня был опыт в Москве, когда ко мне пристали в метро, никто из полиции не вмешивался, а народ говорил: так тебе и надо, ты приехала откуда-то, тебе тут не место. Я ничего не делала, какой-то пьяный пристал. И только один человек помог

выйти из этой ситуации. Очень много таких историй, когда к тебе пристают, документы проверяли на каждом шагу, это я говорю про девяностые. Ну, всё равно, я думаю, те, которые приехали в Армению, это очень конкретный случай. Люди восприняли, что это люди, которые оказались в сложной ситуации, и им надо помочь. Давайте не поступать с ними так, как с нами поступали в той же Москве или в той же России. Давайте покажем, что мы хорошие.

— Это, получается, моральное превосходство?

— Ну, может, у некоторых, да. Я такие разговоры тоже слышала, что, если они себя так ведут, это не значит, что мы должны себя так же вести. Давайте покажем, что мы лучше. С другой стороны, те, которые приехали, это же не те расисты и плохие русские, которые притесняли кавказцев в девяностых. Это другие русские. Давайте покажем, что мы такие гостеприимные, хорошие, мы всех принимаем, а с другой стороны, есть ещё этот разговор, что те, которые приехали, они реально нуждаются в помощи, они очень похожи на нас в этом плане.

— Жизнь кардинально перевернулась, и теперь армяне в Москве времён девяностых — это мы сегодня в Ереване. Есть ли по этому поводу злорадство?

— Есть шутки. Армяне между собой называют русских понаехавшими, но я бы не сказала, что злорадствуют. В основном люди с эмпатией относятся. Да, люди оказались в сложной ситуации, надо им помочь. Но есть ещё и шуточки, что вы тоже оказались в такой ситуации, но мы покажем, что мы лучше, чем вы, мы не будем к вам так относиться. Может, поэтому как-то больно воспринимают когда там русские критикуют, что вот какие у вас улицы, почему тут не чисто и так далее. Люди очень больно это воспринимают, что мы бедная страна. Вот они приехали и хотят показать, что мы не такие развитые и так далее, они опять на нас смотрят свысока. Есть разговоры в этом плане.

— Это же не только бедная страна, это страна с очень трагической историей, которая продолжается по сей день. С одной стороны, а с другой стороны, люди, которые приезжают сюда, тоже приезжают не от хорошей жизни. Это либо война, или политические преследования, или экономическая безысходность. То есть, люди в несчастье приехали к людям в несчастье. Но странно, при этом никакой трагической атмосферы на улицах Еревана нету, все в общем-то как-то живут, улыбаются, расслаблены. В чём секрет?

— Ну, если долго жить в трагедии, а армяне очень долго живут в постоянной трагедии, постоянно ожидать новой катастрофы, вырасти в этой среде — это означает постоянно ждать, что кто-то нападёт, что-то случится и так далее. Смех становится частью этой жизни, это часть нормы, когда ты постоянно живёшь в трагедии, тебе приходится как-то выживать. И поэтому ты улыбаешься, ты продолжаешь жить, а как иначе? Как по-другому можно продолжать жить, если ты постоянно знаешь, что что-то произойдёт? А с другой стороны, сами армяне не думают, что они так счастливо живут и улыбаются. Обсуждение внутри армянского общества — это в основном о том, что мы очень трагичные, у нас литература трагичная, музыка. То есть сами про себя армяне не думают, что они очень весёлые. Может, со стороны это кажется, что все смеются. Любое общество, которое постоянно либо находится в ситуации войны, либо в ожидании войны, либо в ожидании новой большой трагедии, продолжает жить. И это помогает жить. Просто сидеть и целый день плакать тоже невозможно. С другой стороны, я думаю, что люди в Армении очень мало строят планы, либо эти планы не обязательно связаны с Арменией, потому что строить тут планы очень сложно. Не знаешь никогда, что будет завтра.

— Мне кажется, что, может быть, жизнь настолько тяжёлая, опасная, непонятная, неопределенная, что люди просто счастливы, что всё ещё живы.

— Может быть, да.